

Л.Е.Шепелев

О В.С.ДЯКИНЕ И ЕГО ПОСЛЕДНЕЙ КНИГЕ

Shepelev, L.E. "On V.S.Diakin and His Last Book".

The author remembers his meetings and conversations with V.S.Diakin. These talks primarily concerned the problems of economic policy in Russia in industrial and agricultural sectors.

The result of these discussions was Diakin's monograph "The Money for Agriculture in 1892–1914" which was published after the author's death. Shepelev gives a full description of this book and remarks on its importance for the historiography of economic development in the pre-Revolutionary Russia.

Я познакомился с Валентином Семеновичем в начале 1960-х годов, когда еще работал в Центральном государственном историческом архиве (ныне РГИА). После 1967 г. мы в течение более 25 лет работали с ним вместе в Отделе истории СССР периода капитализма Ленинградского отделения Института истории СССР Академии наук. В 1970–1973 гг. он возглавлял этот отдел, проявив себя хорошим организатором, активно и твердо отстаивавшим перед администрацией научные интересы сотрудников. Когда в конце 1970-х годов возник вопрос о назначении ответственного редактора намечаемых мною монографиче-

ских исследований «Царизм и буржуазия... Проблемы торгово-промышленной политики» – во второй половине XIX в., а затем в 1904–1914 гг., – я выразил желание, чтобы таким редактором стал В.С. Он согласился, а Ученый совет утвердил наше сотрудничество. Функции «ответственного редактора» в гуманитарных институтах Академии наук всегда были неопределенны. Часто редактор видел доверенное его надзору исследование уже в законченном виде. С.Н.Валк – редактор первой моей книги «Работа исследователей с архивными документами», вышедшей в 1966 г., считал, как он мне говорил, что редактор должен быть первым читателем книги. Мы с В.С. условились, что он будет читать мою работу сплошь по мере ее написания и делать свои замечания на полях. Затем мы могли бы коротко обсуждать их при встрече. Широкая эрудиция и профессиональная опытность В.С., его умение принять авторский замысел предстоящего исследования, открыто и ясно излагать свои замечания – все это было для меня чрезвычайно важно.

В это время он принимал участие в подготовке коллективного исследования «Кризис самодержавия в России: 1895–1917», а затем работал над монографией «Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.», поэтому для него было полезно (как он объяснял мне) знакомиться с результатами моих исследований, не дожидаясь их завершения и издания. Я был удовлетворен тем, что никаких серьезных разногласий между нами не возникало. Наши политические (идеологические) позиции оказались близки, и В.С. не однажды приходилось выступать на моей стороне в полемике с рьяными ортодоксальными оппонентами. Когда на Западе появились несколько положительных рецензий на обе книги, в которых они несколько вызывающе противопоставлялись работам других советских авторов, в частности как менее опиравшиеся на произведения классиков марксизма (особенно В.И.Ленина), В.С. принял это, несмотря на обычную политическую осторожность, спокойно и с явным сочувствием.

Замечания В.С. на полях рукописи дополнялись многочисленными беседами с ним. В это время его уже тяготила болезнью сердца, и если обстоятельства позволяли, он несколько

раньше положенного времени уходил с работы. Я часто вызывался проводить его. Обычно такие проводы использовались для разговора о моей и его работе.

Одной из тем для бесед была методика работы с источниками. В архивных поисках В.С. был неутомим. Использование всех доступных источников было его неременным требованием к историческим исследованиям. Работа В.С. в архивах была прекрасно организована. Просматривая дела, он аккуратнейшим образом делал выписки в особые тетради, причем не только по теме, которой в данный момент занимался, но и с опережением, фиксируя документы, которые могли быть полезны для будущих работ. Его внимание к источникам, продуманная система их анализа, бережное (тонкое) их использование с широким цитированием очень импонировали мне, особенно в связи с моими занятиями в области методики архивных разысканий (архивная эвристика).

Но главным в наших беседах с В.С. было, естественно, обсуждение различных проблем экономической политики в России – как в области промышленности (что более интересовало меня), так и в сфере сельского хозяйства, над чем В.С. в то время уже размышлял. Более высокая доходность промышленности, господство в ней капиталистических отношений и возможность привлечения частных капиталовложений (особенно в акционерной форме), наконец, прямая заинтересованность государства в ее «насаждении» – все это предопределяло более интенсивное ее развитие по сравнению с сельским хозяйством. Вследствие этого различия наших интересов мой взгляд на перспективы экономического развития России начала XX в. был более оптимистичен. В частности, я не соглашался с оценкой экономического кризиса начала XX в. и с господствовавшим тогда мнением об априорном провале столыпинской аграрной реформы. Соображения В.С. на этот счет были для меня очень важны, намечавшийся же им аспект исследования – финансирование и кредитование сельского хозяйства – казался мне в высшей степени удачным – и в научном отношении, и в смысле соответствия темы возможностям В.С.

Как известно специалистам, в России широко распростра-

ненным было мнение о том, что прежде всего внимание и заботу власти должна привлекать господствовавшая в стране сфера экономики – сельское хозяйство, являвшееся главным занятием большей части населения – крестьянства, несущего на себе основную тяжесть налогообложения. Основной проблемой являлась низкая доходность сельского хозяйства. Причин этого было несколько. Отметим три. Первая: господство зернового производства и относительно слабое развитие животноводства и других направлений хозяйства. Так, еще в 1885 г. Н.Х.Бунге, будучи министром финансов, писал, что для выхода из кризиса сельское хозяйство «должно озаботиться улучшением качества своих произведений и сообщением им большего разнообразия, направляя (при этом) свою деятельность на производство более ценных продуктов, как то: мяса, домашней птицы, яиц, льна, овощей, плодов и пр.» (Дякин 1997: 3). Вторая причина заключалась в неразвитости агрокультуры и связанной с этим низкой урожайности. Третьей причиной были низкие цены на хлеб. На внешних рынках это было связано с мировым перепроизводством товарного хлеба. Российский производитель терял и от слабого развития путей сообщения (расходы на перевозку). Что касается внутреннего рынка, то его развитие определялось государственными закупками (главным образом на нужды армии) и спросом со стороны городского (в том числе фабрично-заводского) населения.

В этих условиях увеличение производства товарного хлеба само по себе таило опасность еще большего падения хлебных цен и разорения деревни (не только главных продавцов хлеба – помещиков, но и крестьян, вынужденных продавать хлеб для уплаты налогов). Интенсификация же сельского хозяйства требовала его перестройки на капиталистический лад и вложения значительных средств извне (что специально интересовало В.С.).

Сельское хозяйство имело для государства (правительства) значение основного источника налогов поступлений. В своих воспоминаниях С.Ю.Витте писал: «Сделавшись механиком сложной машины, именуемой финансами империи, нужно было быть дураком, чтобы не понять, что машина без топлива не пойдет...

Топливо это – экономическое состояние России, а так как главная часть населения – это крестьянство, то нужно было «вникнуть в эту область» – в область сельского хозяйства (Витте 1960: 499). Но вслед за своим предшественником на посту министра финансов И.А. Вышнеградским Витте полагал, что начинать надо с активного содействия развитию промышленности. Этого требовали прежде всего прямые государственные интересы: обеспечение нужд армии (вооружение и амуниция), железнодорожного строительства, уменьшение зависимости от импорта промышленных изделий, расширение налоговой базы. Вместе с тем развитие промышленности отвлекло бы часть свободного сельского населения и этим отчасти облегчило бы проблему «малоземелья», увеличило бы внутренний спрос на продукты сельского хозяйства и способствовало бы росту цен на них, содействовало бы развитию и удешевлению перевозок сельскохозяйственных грузов, наконец, позволило бы организовать производство сельскохозяйственного инвентаря, машин, удобрений. В «насаждении» промышленности Витте видел еще и тот резон, что этим стимулировалось бы развитие капиталистических отношений и в деревне. Некоторые прогрессивно настроенные представители бюрократии полагали, что «насаждение» промышленности – верный путь к развитию образования и культуры населения. Таким образом, развитие промышленности рассматривалось не только как самоцель, но и как средство, рычаг модернизации российского народного хозяйства в целом, включая – не в последнюю очередь – и сельское хозяйство.

Сторонники как промышленного, так и сельскохозяйственного приоритетов в экономической политике сходились в том, что в России, где по климатическим условиям полгода крестьяне не могли заниматься сельскохозяйственным производством, должно быть поддержано развитие в деревне мелких (кустарных) промышленных предприятий. С одной стороны, такие предприятия должны были служить подспорьем земледелию. В отличие от отхожих промыслов к работе в этих заведениях могли привлекаться все члены крестьянской семьи, что положительно сказывалось бы на нравственности населения. И.А. Вышне-

градский писал в 1887 г., что «промыслы эти дают земледельческому классу необходимые ему заработки как для уплаты казенных и общественных повинностей, так и денежные средства для нужд сельского хозяйства и, избавляя от необходимости искать себе заработков на стороне, в отхожих промыслах и на фабриках, служат сохранению сельского населения с земледелием» (Тарновский 1995: 116). С другой стороны, те, кто считал приоритетным развитие промышленности, полагали, что именно фабрично-заводская промышленность может стать стимулом и школой развития мелкой (кустарной) промышленности в деревне, которая не конкурировала бы с крупной промышленностью, а дополняла бы ее, имея особую экономическую нишу. Мало того: орган Министерства финансов писал в 1901 г., что «кустарные промыслы служат естественным ферментом, теми дрожжами, на которых впоследствии вырастает и создается фабрично-заводская промышленность» (Тарновский 1995: 133).

Крестьянские кустарные промыслы были традиционны в России. Особенное распространение они получили во второй четверти XIX в. Затем в конкуренции с фабричным производством они закрепились в тех отраслях, где механизация производства еще не победила. В условиях России ручной труд оказывался во многих случаях более экономичным, чем механизированный. С появлением электричества перспективы развития мелкого производства стали казаться более обнадеживающими (Тарновский 1995: 111). Власти считали, что в конце XIX в. в мелкой промышленности (не только сельской) было занято «вдесятеро больше ... рук, сравнительно с крупной промышленностью» (Тарновский 1995: 138).

Итогом работы В.С. по изучению сельскохозяйственной политики царизма в конце XIX – начале XX в. стала его монография «Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг.», в основном завершенная к концу 1993 г. и опубликованная в 1997 г. После кончины В.С. (январь 1994 г.) рукопись была подготовлена к опубликованию его учеником кандидатом исторических наук И.В.Лукояновым. Издана книга в Издательстве С.-Петербургского университета при финансовой поддержке Комитета по куль-

туре Правительства города. Тираж ее – всего 500 экз.

Книга оформлена так, что читателю удобно ею пользоваться (в частности, библиографические примечания даны «под строкой» – внизу страницы). В начале (вслед за предисловием) приводится «Список научных работ В.С.Дякина». В конце каждой главы формулируются основные выводы. Как и все другие работы В.С., эта книга написана в спокойной манере, строго и логично, обстоятельно аргументирована. Наиболее важные из использованных источников цитируются. Название книги уже ее реального содержания, но оно (название) удачно выделяет основное направление исследования, отличающее его от работ предшественников (в частности, А.П.Корелина, Ю.Б.Соловьева, М.С.Симоновой).

Первая глава монографии озаглавлена «Аграрный кризис и сельскохозяйственная политика С.Ю.Витте». Характеризуя позицию Витте, В.С. приводит следующее малоизвестное, официально заявленное С.Ю.Витте еще в 1891 г. мнение о том, что помощь государства сельскому хозяйству состоит не в непосредственных капиталовложениях в него, а в создании дешевого кредита, развитии сети железных дорог и торгового мореходства и, главное, в развитии отечественной промышленности, «которое создаст новые внутренние рынки для сельскохозяйственных продуктов и умножение капиталов, а следовательно – и удешевление их для потребностей самого земледелия» (Дякин 1997: 17).

Объективно развитие промышленности делало экономически неизбежным изменение всей архаичной системы сельского хозяйства, главное же – перевод его на капиталистические рельсы развития. Уже в 1896 г. Витте отмечал: «...наша сельская жизнь начинает двигаться по пути капиталистического развития» (Дякин 1997: 29).

В.С. приходит к заключению: «Проблема развития сельского хозяйства вообще и сельскохозяйственного кредита в частности была в конце XIX в. внутренне противоречивой. Объективная необходимость перевода сельскохозяйственного производства, как помещичьего, так и крестьянского, на капиталистические рельсы (связанная с его интенсификацией и большим

вовлечением во всероссийский рынок) требовала создания и укрепления мелиоративного и краткосрочного кредита» (Дякин 1997: 91–92). Но «условия для массового использования» такого кредита «еще не сложились». Дворяне-помещики были в большинстве просто неспособны «приноровиться к капиталистическим методам хозяйствования». Организация же мелкого кредита для крестьян, «нуждавшихся как в ипотечном кредите для приобретения земли, так и в краткосрочном на оборотные средства», диктовала предварительно «изменение правового положения». К тому же Витте считал опасным для внешнеторгового баланса страны «рост зернового производства», преимущественно в помещичьих хозяйствах – главных производителях хлеба (Дякин 1997: 341).

Вторая глава («Промышленный кризис и особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности») посвящена первым годам XX в. Кризис поставил под сомнение ставку финансового ведомства на таможенное покровительство промышленности. Вместе с тем «обложение населения ... налогами достигало предела своей напряженности» (Дякин 1997: 166). Однако попытки аграриев в Особом совещании переориентировать экономическую политику страны на финансовое содействие сельскому хозяйству были отвергнуты Витте. Решающим аргументом стало отсутствие средств, дополнительным – указание на необходимость предварительного пересмотра правового положения крестьян.

Третья глава монографии озаглавлена «Революция 1905–1907 гг. и проблема финансового обеспечения столыпинской земельной реформы». Революционные события отчасти отвлекли внимание от проблем кредитования сельского хозяйства. Финансовое обеспечение столыпинской земельной реформы с 1907 г. стало «главной экономической задачей царизма» и потребовало огромного напряжения «финансовых ресурсов» страны (Дякин 1997: 206, 230). Помимо задачи создания «мелких и средних собственников», которые явились бы оплотом «политического порядка», ведомством земледелия ставилась задача увеличения «средней производительности и доходности крестьянского хозяйства не менее чем в два раза» (Дякин 1997: 207–208).

Это считалось возможным лишь при условии перехода сельского хозяйства на капиталистические условия функционирования, чему, в сущности, и служила реформа. В.С. приходит к заключению, что «наладить кредит на улучшение хозяйства крестьян, выходявших из общины, царизму не удалось ни в форме поднадельных ссуд, ни путем продажи сельскохозяйственных орудий в рассрочку в виде “вещных” ссуд» (Дякин 1997: 231). Проблема краткосрочного кредитования была отчасти решена с помощью крестьянской кредитной кооперации, получившей развитие в годы предвоенного экономического подъема.

В четвертой главе («Проблемы сельскохозяйственного кредита в годы предвоенного подъема») В.С. отмечает, прежде всего, улучшение общей экономической ситуации в стране. Высокие урожаи 1909 и 1910 гг. и обозначившийся с 1907 г. подъем мировых хлебных цен, с одной стороны, а также рост спроса на хлеб внутри страны, связанный с дальнейшим развитием промышленности – с другой, значительно улучшили положение сельского хозяйства. Вместе с тем развитие кредитной кооперации в деревне отчасти решило проблему краткосрочного кредита крестьянских хозяйств. Учреждениям мелкого кредита на местах к 1 января 1915 г. удалось собрать более 530 млн.руб. вкладов. Внимание бюрократических сфер оказалось сосредоточенным теперь на вопросе, «в какой форме и до какой степени крестьянская кооперация должна контролироваться государством и можно ли допустить ее самостоятельный выход на общероссийский рынок», и без того перегруженный ценными бумагами (Дякин 1997: 233–234). «К началу мировой войны была завершена лишь выработка общей схемы... государственных учреждений», которые могли бы вестись делом сельскохозяйственного кредита (Дякин 1997: 339).

В «Заклучении» В.С. отмечает, что в конечном счете главным обстоятельством, постоянно «затруднявшим приток капиталов в сельское хозяйство», было «наличие полуфеодальных элементов в политическом и экономическом строе России», в особенности же сохранение помещичьих хозяйств и общинная организация крестьянства (Дякин 1997: 346). В то время как в промышленности объем производства с 1900 по 1913 г. возрос

на 63%, в сельском хозяйстве он увеличился всего на 34%, причем в значительной мере за счет расширения посевных площадей (за Уралом и на юго-востоке Европейской России) и серии урожайных лет. Положительное влияние проводимой реформы, рассчитанной на перспективу, только начинало сказываться. В плане исследуемой им проблемы В.С. отмечает, что столыпинская реформа, помимо своего основного назначения, «создавала ... отсутствовавшие условия для продуктивного использования сельскохозяйственного кредита», хотя вопрос о «его источниках» оставался нерешенным (Дякин 1997: 342).

Обращение В.С.Дякина к проблеме денежной поддержки сельского хозяйства (крестьянского и помещичьего) оказалось весьма плодотворным. Привлеченный огромный фактический материал и доскональный его анализ дали ему возможность сделать важные наблюдения и выводы; об основных из них я постарался сказать хотя бы вкратце.

Своим исследованием В.С. показал, кроме того, что реализация столыпинской реформы была затруднительна или даже невозможна без предварительного создания в России основ фабрично-заводской промышленности и относительно развитой транспортной сети. Вместе с тем условием осуществления реформы стала достигнутая стабилизация государственного бюджета и «режим экономии» государственных средств, проводившийся последователем С.Ю.Витте В.Н.Коковцовым. Война и революция прервали проведение реформы в жизнь. Но уже первые результаты убеждали в ее эффективности. Несомненно, что капиталистическая перестройка крестьянских хозяйств в перспективе предопределила бы и эволюцию в том же направлении помещичьих.

Совершенно очевидно, что книга В.С.Дякина «Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг.» стала неотъемлемой составной частью историографии экономического развития дореволюционной России.

Литература

- Витте 1960 – Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х тт. М., 1960. Т.2.
Дякин 1997 – Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства: 1892–1914 гг.: Аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб., 1997.
Тарновский 1995 – Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX–начале XX в. М., 1995.